

V. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

«Создать новый дух белорусской нации»: жизнь и смерть Фабиана Акинчица

Ранним мартовским утром 1943 г. в самом центре Минска, на третьем этаже дома номер 2 по Кирхенштрассе¹ раздались выстрелы. Через несколько минут двое молодых людей выскочили из подъезда и запрыгнули в поджидавший их автомобиль. Казалось, у них не было ни одного шанса покинуть место преступления: на втором этаже находилась казарма, в здании напротив – опорный пункт полиции, а недалеко располагался офис Вильгельма Кубе, генерального комиссара оккупированной Белоруссии, где всегда было полно охраны. Однако нападавшие смогли не только скрыться, но и благополучно покинуть город.

Уже к полудню весь Минск знал о том, что убит Фабиан Акинчиц, чьи резкие и желчные публикации не раз появлялись на страницах *Белорусской газеты*. Акинчиц был известен своими антисоветскими взглядами и вообще имел стойкую репутацию последовательного сторонника нацистов. Поговаривали, что у него был выход к политической верхушке рейха. Тем не менее, после убийства белорусская пресса – как в Минске, так и в Берлине – хранила гробовое молчание. Некролог в итоге так и не появился ни в одной из газет. Только немногочисленные соратники Акинчица выпустили в память о нем тоненький сборник, больше напоминавший подпольную брошюру².

Кем же, собственно, был погибший? Для участников белорусского движения Акинчиц, несмотря на свои броские национальные лозунги, был чужаком, у которого не было ни друзей, ни единомышленников³. В послевоенной диаспоре от него стремились отмежеваться, в первую очередь, из-за его сотрудничества с нацистами⁴. Наряду с этим, Акинчица выставляли беспринципным провокатором, готовым уничтожить белорусское движение изнутри ради собственной вы-

¹ Так после оккупации города в 1941 г. была переименована улица Революционная. У нее также существовало белорусское название – улица Рогнеды.

² Фабян Акінчыц. Ягонае жыццё і думкі. Менск, 1943.

³ Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939-1951 гг. Мінск, 1994. С. 18.

⁴ Whiteruthenia (Bielarussia). Outlines of Whiteruthenia and the Whiteruthenian National Movement. [West Germany], 1947. P. 33.

годы⁵. По словам американского историка Александра Даллина, это был «патологический фанатик, бывший большевик, обернувшийся фашистом»⁶, хотя первые два определения не соответствовали действительности, а последнее было таковым лишь отчасти. У советских историков Акинчиц порой представлял в образе ни много ни мало «главы белорусских буржуазных националистов»⁷, при том, что когда-то он был в числе первых защитников советской власти.

Как представляется, масштаб личности Акинчица и значение его деятельности уже постфактум были сильно преувеличены. Его ликвидацию в разное время приписывали себе и «красные» партизаны, и даже сами националисты⁸. Обе стороны стремились преподнести это событие как свой значительный успех. На этом фоне слухи о связях Акинчица с нацистскими партийными структурами, а позже и спецслужбами, породили устойчивые мифы о нем, хотя ещё при его жизни немецкие авторы указывали, что никакого влияния он не имел⁹. Периодически он становился то кадровым разведчиком, то сотрудником одного из министерств рейха, претендуя чуть ли не на место центральной фигуры среди белорусских националистов.

Тем не менее, более пристальный анализ биографии Акинчица показывает, что он был тщеславным авантюристом с непомерными амбициями, который мало что представлял собой с политической точки зрения. Как и многие представители его поколения, успевшие пожить сразу в нескольких эпохах, Акинчиц то и дело оказывался в гуще событий. При этом его имя, как и в случае с Геростратом, осталось в истории скорее вопреки происходящему, чем благодаря ему.

Ad fontes

Согласно официальной биографии, Фабиан Окинчиц (тогда он еще писался через «о», на польский манер) родился 20 января 1886 г. на хуторе Окинчицы Минской губернии¹⁰, который почти сто лет спустя вошел в черту близлежащего городка Столбцы. Впоследствии это место будет всемирно известным. За четыре года до Фабиана на этом же хуторе в семье Михаила Мицкевича, местного лесника, родился сын Константин, который много позже под псевдонимом Якуб Колас станет классиком белорусской литературы. Напротив, как следует из документов,

⁵ Библиотека-музей Франциска Скорины в Лондоне (БМФС). Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative des agents camouflés au service des étrangers contre le Mouvement de la Liberation Nationale Biélorussienne sur la terrotoire Biélorussie Occidentale (polonaise). [Paris, 1949]. P. 1-2.

⁶ Dallin A. German rule in Russia, 1941-1945: a study of occupation policies. L., 1957. P. 213.

⁷ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Минск, 1984. С. 357.

⁸ Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 351; Whiteruthenia (Bielarussia). P. 33.

⁹ Engelhardt E.v. Weißruthenien: Volk und Land. Berlin, 1943. P. 177.

¹⁰ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

Окинчиц родился в Минске и был крещен в архикафедральном соборе Девы Марии в самом центре города. Много лет спустя его жизнь оборвется буквально в соседнем здании. Это не единственное странное совпадение в жизни Окинчица, которых будет еще достаточно. Родителями мальчика были потомственный дворянин Иван Окинчиц и его супруга Эмилия-Розалия Осмольская¹¹. Помимо сына в семье было еще три дочери.

Хотя в 1930-х гг. первенствующими для Окинчица стали «интересы белорусского народа»¹², значительная часть его жизни была связана с русским Северо-Западом. На рубеже веков семья Окинчицев оказалась в Великом Новгороде, где жила на улицах Забавской и Людогоще, известных еще со Средневековья. В Новгороде Фабиан посещал реальное училище, а в июне 1906 г. получил аттестат в местной мужской гимназии. Из десяти отметок «пять» было только по закону Божьему, в остальном – «4» и «3» (в последнем случае в том числе по русскому и немецкому языкам)¹³. Осенью 1907 г. он стал студентом юридического факультета Петербургского университета и следующие четыре года провел в столице империи.

Фабиан Окинчиц в студенческие годы. Петербург, 1907 г. Публикуется впервые.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 7, 18.

¹² Новы шлях. 1933. № 1. С. 2-3.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 7, 9, 17.

Параллельно с основной учебой Окинчиц с августа 1908 г. посещал в качестве вольнослушателя Археологический институт и тогда же успел жениться на Екатерине Ивановне Яксиной¹⁴, от которой впоследствии имел двоих детей¹⁵. Чтобы кормить семью, Окинчиц устроился вольнонаемным чиновником во 2-й департамент Правительствующего Сената, где прослужил около трех лет¹⁶. Армейская служба студенту не грозила – еще в юности ему был удален правый глаз, а левым он плохо видел¹⁷. Из-за этого еще до поступления Окинчиц был зачислен в запас¹⁸, а в возрасте из-за проблем со зрением стал носить темные очки.

Внешне жизнь Окинчица, старательного студента из хорошей семьи, рассчитывавшего сделать карьеру в столице, казалась вполне благополучной. Тем не менее, у нее была и другая сторона. Год между окончанием гимназии и поступлением в университет он провел в тюрьме. Как следует из материалов дела, 7 июня 1906 г., буквально через четыре дня после получения аттестата, Окинчиц был арестован по обвинению в «противоправительственной агитации» среди нижних чинов 199-го резервного Свирского полка, стоявшего в Аракчеевских казармах села Медведь близ Новгорода. По результатам расследования вчерашний школьник был признан виновным и 17 октября 1906 г. приговорен к году заключения в крепости¹⁹. Учитывая, что ему зачли срок предварительного содержания под стражей, освобожден Окинчиц как раз к моменту очередного набора в университет.

Насколько видно из материалов дела, в данном случае речь шла об эсеровской агитации. Партия социалистов-революционеров (сокращенно – эсеры) оформилась в первые годы XX в. и стала продолжателем старых народнических традиций, прежде всего, перехода к социализму некапиталистическим путем. Центральным пунктом в программе эсеров была социализация земли, то есть равный доступ к ней всех трудящихся с последующей организацией самоуправления. Определяющим моментом было то, что социализм в России должен начать свое развитие на селе. В этой связи важными в представлении эсеров были вопросы крестьянской самоорганизации, прежде всего, потребительской кооперации.

Разрабатывая свою программу, ранние эсеры имплицитно отталкивались от опыта знакомой им великорусской сердцевины страны, где имперская культура была главенствующей. Напротив, чем дальше на запад, тем больше империи приходилось конкурировать с носителями другой культурной парадигмы, которые могли выступить в роли альтернативных центров притяжения (в случае с немцами Балтики или поляками в Белоруссии и Литве). Это не могло не отра-

¹⁴ Там же. Л. 22, 26.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 9-9 об.

¹⁷ Там же. Л. 42 об, 60-61.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 5.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 124, оп. 44, д. 2887. Л. 1-4.

зяться на сообществах с другими культурами, которые, таким образом, оказывались между двух огней. Со временем это способствовало появлению в их среде двух движений – национального и социалистического.

Сила каждого из этих движений зависела от ряда факторов, не в последнюю очередь от исторической и политической традиции конкретного региона. Важно, однако, подчеркнуть, что указанные течения не противоречили одно другому – напротив, они шли параллельно, периодически пересекаясь. Так, в балтийских провинциях в революцию 1905-1907 гг. латышские крестьяне громили усадьбы помещиков-немцев, причем каждый выбирал, что ему больше не нравится – происхождение или социальный статус оппонента, или и то, и другое сразу. Программа Украинской народной партии, образованной в 1902 г. выходцами из Полтавской губернии, повторяла эсеровский тезис о социализации земли, но при этом оговаривала, что ее хозяевами могут быть только украинцы. В этом смысле случай белорусских губерний не был уникальным. Более того, уже в 1884 г. петербургские студенты-народовольцы, выпуская в Минске нелегальную газету *Гомон*, выдвигали, помимо прочего, требование культурной автономии для Белоруссии²⁰. Примечательно, что эти процессы пережили империю, в которой формировались.

В данном контексте, однако, нас будет интересовать иной вопрос. Длительное соперничество русско-имперского и польского интеграционных проектов на белорусской территории имело неожиданные последствия. В условиях неразвитости национального сознания и политического мышления у белорусов обе стороны становились для них проводниками самых разных идейных течений. С одной стороны, здесь нужно отметить роль традиции «краёвого» патриотизма и общепольского романтизма первой половины – середины XIX в.²¹ Считая, вслед за немецкими романтиками, что душа народа заключена в его фольклоре, образованные польские шляхтичи начинали интересоваться народным творчеством и историей родного края, постепенно ассоциируя себя с ним. Так сложилась белорусская литературная школа, ярким представителем которой стал Винценты Дунин-Марцинкевич²². Впоследствии она дала ощутимый стимул для формирования белорусской национальной идеи. Ее развили уже дети старых «краёвых» патриотов из числа шляхты – братья Луцкевичи, Иван Луцевич (Янка Купала) и другие.

С другой стороны, в начале XX в. новое поколение (прежде всего, уроженцы 1880-х гг., в том числе и Окинчиц) рассматривало свои задачи в более практическом и приближенном к реальности ключе. При этом, как отмечает историк Николай Вакар, исследовавший белорусское национальное движение, «для многих

²⁰ Vakar N. *Belorussia: The Making of a Nation*. Cambridge (Mass.), 1956. P. 83.

²¹ Лецка К.І. Вытокі і генезіс беларускага рамантызму XIX стагоддзя. Гродна, 2003. С. 20-30.

²² Gołąbek J. *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, poeta polsko-białoruski*. Wilno, 1932. P. 8-12. Об аналогичной украинской школе см.: Kwapiszewski M. *Późny romantyzm i Ukraina. Z dziejów motywu i życia literackiego*. Warszawa, 2006. P. 8-10.

было более естественным работать над всеобщим освобождением, чем над узко региональными интересами», из-за чего «русскую революционную литературу предпочитали националистическим памфлетам, изданным за рубежом»²³. В этом отношении неудивительно, что ряд персонажей, чьи имена стали известны уже во времена революции 1917 г., принадлежали скорее к общероссийским, чем к региональным социалистам. Среди прочих здесь можно назвать Всеволода Игнатовского, будущего академика и автора учебника по истории Белоруссии, и земляков Окинчица – Якуба Коласа и Язэпа Лёсика. Насколько можно судить, белорусская национальная компонента в равном объеме добавилась в их мышлении к социалистической уже после падения «тюрьмы народов».

К этой же когорте относился и Окинчиц. 26 января 1911 г. он был арестован при выходе из студенческой столовой и препровожден в Васильевскую полицейскую часть. Как считало следствие, еще в январе 1908 г. подозреваемый ездил в Новгород, где был избран членом райкома партии эсеров и участвовал в собрании, обсуждавшем вопрос организации местного отдела Всероссийского железнодорожного союза (хотя союз к тому времени уже почти год как не действовал). В 1909 г. его квартира якобы служила местом для временного хранения партийных изданий. Также, по версии следствия, Окинчиц являлся членом студенческой фракции и городской организации партии эсеров, агитировал за прекращение занятий и принимал участие в срыве лекций. В день ареста он, как предполагалось, посетил нелегальную студенческую сходку, после чего его решено было брать. После месяца предварительного заключения 26 февраля 1911 г. Окинчиц был приговорен к трехлетней ссылке в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции²⁴.

Изначально подозреваемый пытался все отрицать. Уже 29 января он написал премьер-министру Петру Столыпину, отметив, что «семейное и материальное положение» не могло толкнуть его «на столь скользкий и нерациональный путь»²⁵. Также Окинчиц направил пространное письмо в Особое совещание при Министерстве внутренних дел (оно рассматривало дела по преступлениям против государства). В нем проситель указывал, что обвинение ни на чем не основано, поскольку он все это время ходил на занятия, сдавал экзамены, в университете появлялся на час-полтора, на сходках никогда не бывал и вообще «по своим убеждениям» не может принять эсеровскую программу²⁶.

Тем не менее, Окинчицу не повезло: его арест произошел в годы министерства Льва Кассо (1910-1914), когда к политически неблагонадежным студентам относились особенно сурово. Из-за этого оба обращения Окинчица, равно как и прошение его матери отпустить сына к ней на поруки²⁷, не получили положительно-

²³ Vakar N. *Belorussia: The Making of a Nation*. P. 85, 91-92.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 2, 26 об; там же. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 3-3 об.

²⁵ Там же. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 14-15.

²⁶ Там же. Л. 9-10 об.

²⁷ Там же. 8-8 об.

го ответа. Уже в марте 1911 г. бывший студент прибыл по этапу к месту ссылки, в район Петрозаводска. По странному совпадению, в Петербурге Окинчиц жил на Петрозаводской улице²⁸.

Возникает вопрос, какое место занимала белорусская тема в сознании будущего лидера белорусских радикалов. Некоторые выводы на этот счет позволяют сделать публикации Окинчица, подготовленные им в ссылке. Большую часть срока он провел в селе Кондопога, а затем был переведен в другой волостной центр – Сямозеро²⁹. В этот период Окинчиц активно публикуется в местной земской печати, иногда под своей фамилией, но чаще под псевдонимом «Ф.О.». Всего за два года (с февраля 1912 по февраль 1914) из-под пера Окинчица вышло семь объёмных статей, по большей части на тему крестьянской повседневности. За это время речь ни разу не заходила о Белоруссии – напротив, автор обращался либо к опыту хорошо знакомой ему Новгородчины³⁰, либо делился впечатлениями от окружающего ландшафта, который даже порой называл «наш Олонецкий край»³¹. Более того, в одной из публикаций Окинчиц называет себя «русским»³².

Уже в своих ранних статьях недоучившийся студент предстает весьма амбициозными и самоуверенным. Обычный политический ссыльный, Окинчиц покровительственно рассуждает о важности просвещения для «поднятия умственного и культурного уровня нашего крестьянства», дает рекомендации по организации в провинции библиотечного дела и потребкооперации³³. Из раза в раз он подчеркивает невежество и предрассудки местных крестьян и ужасается депрессивности олонецкой глуши³⁴, учитывая, что он жил не так далеко от губернской столицы и, судя по всему, имел возможность свободно заниматься самообразованием и общественной деятельностью.

Как представляется, эта амбициозность, смешанная с непомерным самомнением, и тогда, и в дальнейшем являлась определяющей чертой характера Окинчица, сделав собственно политическую составляющую в его мировоззрении второстепенной. Кроме того, его характеризовало стремление быть единственным

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 46352. Л. 22. Окинчиц был зарегистрирован в доме № 3, квартира 32.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 60; там же. Ф. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 1 об.

³⁰ Ф.О. [Фабриан Окинчиц] К вопросу о борьбе с пьянством // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 10. С. 3-5; № 11. С. 5-7; № 13. С. 22-24; № 15. С. 16-17.

³¹ Ф.О. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 3. С. 17-19; № 4. С. 15-17.

³² Окинчиц Ф. Излишний оптимизм // Вестник Олонецкого губернского земства. 1913. № 12. С.3.

³³ Ф.О. Село Кондопога (Народная библиотека-читальня); Окинчиц Ф. Спектакль в пользу земской библиотеки-читальни в селе Кондопоге Петрозаводского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 9. С. 18-19; Ф.О. О потребительских обществах // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 13. С. 7-9; № 15. С. 12-14; № 17. С. 7-10.

³⁴ Ф.О. Из деревенских впечатлений // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 13. С. 4-6; № 15. С. 7-9; № 16. С. 13-15; № 17. С. 18-19; Окинчиц Ф. Оздоровление деревни // Вестник Олонецкого губернского земства. 1914. № 3. С. 7-9; № 4. С. 3-6.

авторитетом в тех областях, которыми он интересовался. Впоследствии Окинчиц не раз будет, не стесняясь в выражениях, упрекать своих недавних соратников в недобросовестности, стремясь выставить себя обманувшимся в ожиданиях. При этом неясно, понимал ли он сам, что таким образом выглядит увлекающимся и неразборчивым в людях и средствах.

Тем временем, несмотря на пафос повествования об угнетенных обездоленных крестьянах, Окинчиц не оставлял надежды на собственную реабилитацию и возвращение в правовое поле империи. Так, 15 июня 1911 г. он отправил прошение на Высочайшее имя, в котором признавал свою принадлежность к эсерам. Как следовало из текста, проситель осознавал, «как сильно заблуждался и как виновен много перед престолом и Отечеством, принимая по своей неопытности и незнакомству с жизнью и истинной наукой вредные и преступные учения спасительными и полезными для народа» и обещал вновь стать «верным слугой престола и Отечества»³⁵. В письме на имя заместителя Столыпина, бывшего минского губернатора Павла Курлова, отправленном на следующий день, Окинчиц повторно каялся и просил помиловать его и за участие в сходке, и за старое дело 1906 г., и говорил, что хочет «безвозвратно порвать со своим прошлым и начать жить новой жизнью»³⁶.

Тем не менее, и ни эти, ни последующие прошения, ни три письма матери Окинчица не имели последствий³⁷. Лишь в январе 1913 г. из-за ухудшения зрения ссылке было разрешено переехать в Вологду для отбывания остатка срока. Там его и застала амнистия по случаю 300-летия Дома Романовых. Ровно за год до окончания ссылки, 21 февраля 1913 г., Окинчиц был освобожден³⁸. Поскольку путь в Петербургский университет для него отныне был закрыт, в конце 1913 или начале 1914 гг. он сдал государственные экзамены в испытательной комиссии при Казанском университете и следующие два года работал помощником присяжного поверенного в Новгороде, откуда в апреле 1916 г. по неизвестной причине переехал в Уфу³⁹.

Казалось, что карьера и будущее безвозвратно загублены. Однако, менее чем через год разразилась Февральская революция, которая должна была стать звездным часом Окинчица. Он был избран в исполком Уфимского городского совета рабочих и солдатских депутатов⁴⁰, а после октябрьских событий в том же качестве стал членом губернского совета в родном Новгороде. Левые эсеры, к которым примыкал Окинчиц, создали коалицию с захватившими власть большевика-

³⁵ ГАРФ. Ф. 102 Д 5, оп. 147, д. 126, ч. 11. Л. 29 об.-30.

³⁶ Там же. Л. 26 об.-27.

³⁷ Там же. Л. 36-40, 47-49, 53-55 об.

³⁸ Там же. Л. 60-61, 68-69.

³⁹ Там же. Л. 70; Там же. Ф. 102 Д. 6, оп. 173, д. 132. Л. 20.

⁴⁰ Мордвинцев Г.В. Март 1917 г. в Башкирии: хроника событий. Уфа, 1997. С. 62.

ми, и 4 декабря 1917 г. он был утвержден в должности новгородского губернского комиссара⁴¹.

Вероятно, тогда на собравшихся произвел впечатление интеллектуализм Окинчица. Тем не менее, его назидательные высказывания времен олонецкой ссылки имели мало общего с реальной властью, которую он получил. Один из старых соратников Окинчица по Новгороду, впоследствии репрессированный Клавдий Завалишин, вспоминал, что тот, оказавшись фактически в губернаторском кресле, просто не знал, как себя вести⁴². В этом смысле неудивительно, что Окинчиц достаточно быстро оставил свой ответственный пост. Секретарь Новгородского губкома партии большевиков Михаил Рошаль в своих мемуарах упоминал о каких-то «неблаговидных поступках» Окинчица, после которых тот был выведен из состава исполкома⁴³. Завалишин при этом уточняет, что речь шла о банальном пьянстве⁴⁴.

В течение весны 1918 г. отношения большевиков и левых эсеров прошли путь от противоречий вокруг заключения Брестского мира до полноценного конфликта, связанного с политикой на селе. Его высшей точкой стало эсеровское восстание в Москве и других городах в июле того же года. Примерно в это же время Окинчиц исчез, чтобы пять лет спустя появиться в Польше.

На пути в политику

До сих пор доподлинно неизвестно, где находился и что делал Окинчиц между сложением полномочий в Новгороде и появлением на исторической родине. По его собственному утверждению, все это время он жил в Киеве, где трудился в качестве обычного рабочего, пока в 1923 г. не выехал в Польшу⁴⁵. Тем не менее, среди документов госорганов Белорусской народной республики (БНР) сохранилась регистрационная карточка, предположительно заведенная в ноябре 1918 г. Как следует из нее, в Минск из «Великороссии» прибыл «бывший мировой судья и присяжный поверенный», окончивший «университет в Петрограде», «белорус» Фабиан Иванович Окинчиц⁴⁶. Учитывая, что он приехал один, непонятно, что стало с его семьей. В польских полицейских документах по состоянию на 1927 г.

⁴¹ Установление и упрочение Советской власти в Новгородской губернии, 1917-1918. Л., 1989. С. 42, 107-109.

⁴² Ярыш Т.Н. Революционные события 1917 года в воспоминаниях граждан. По документам Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области // 1917-й: Метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород, 1998. С. 93.

⁴³ Рошаль М.Г. На путях революции: воспоминания большевика. М., 1957. С. 198.

⁴⁴ Ярыш. Революционные события 1917 года. С. 93.

⁴⁵ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

⁴⁶ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Склад. С. Шупа. Т. 1. Вільня, 1998. С. 312-313.

он числился холостым⁴⁷. Вместе с Окинчицем в Польшу перебрался его сын Константин (родился 9 февраля 1911 г.), который, очевидно, не разделял его взглядов. Так, в годы обучения в Виленской белорусской гимназии Окинчиц-младший учился плохо (оставался на второй год). Продолжив образование в Варшаве, он вступил в польскую ультранационалистическую организацию «Фаланга» и стал одним из руководителей её боевых студенческих отрядов. Тем не менее, в годы войны Константин Окинчиц (вероятно, не без протекции отца) работал в белорусской редакции службы пропаганды «Винета» при министерстве Геббельса⁴⁸.

Перейдя на польскую сторону, Окинчиц поселился в районе Столбцов, где, по некоторым данным, устроился на работу школьным учителем⁴⁹. Оказавшись на белорусской территории, он стал писаться на местный манер – «Акинчиц». Изменив одну букву фамилии, он тем самым изменил себе всю биографию. Из «старой жизни» он теперь предпочитал упоминать только учебу в Петербурге и членство в партии эсеров, где он якобы занимал руководящие посты⁵⁰. Тем не менее, прошлое тяготело над Акинчицем, и впоследствии ему приходилось доказывать, что он не занимал политических постов у большевиков⁵¹.

Сложно однозначно судить, насколько в ту пору Акинчиц интересовался белорусским национальным движением. Как уже говорилось, до революции он писал о себе как о русском. В глазах старого имперского центра он, дворянин-католик из Минской губернии, безусловно, был поляком. Неслучайно анализ более поздней публицистики Акинчица выявляет его патерналистское отношение к белорусам. Не совсем ясно, какими именно факторами – национальными или социальными – была больше обусловлена его солидаризация с белорусским сообществом. Возможно, у Акинчица, попавшего на историческую родину, пробудился «краёвый» патриотизм, предполагавший общность судеб жителей «восточных кресов» старой Речи Посполитой независимо от их этнокультурного и социального происхождения⁵². В этом отношении показателен случай другого деятеля белорусского движения, Вацлава Ивановского. Выросший в дворянской католической семье на Виленщине, он относил себя к белорусам, при том, что его младший брат искренне считал себя литовцем. Примеры Окинчицев и Ивановских как раз наглядно характеризуют «плавающую» идентичность уроженцев бывших северо-западных губерний, когда человек мог под влиянием обстоятель-

⁴⁷ Российской государственной военной архив (РГВА). Ф. 312к, оп. 1, д. 2575, л. 113 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 326. 16. kwietnia 1927. P. 6).

⁴⁸ Галяк Л. Успаміны. Кн. 1. [Нью-Ёрк], 1982. С. 54, 108-109. По словам автора, одноклассника Окинчица-младшего, после войны он выехал в США и жил в Детройте.

⁴⁹ Туронак Ю. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943) // Беларускі гістарычны агляд. 2007. Сш. 1-2. С. 81.

⁵⁰ Новы шлях. 1937. № 2. С. 1.

⁵¹ Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Минск, 1929. С. 181.

⁵² Смелянчук А.Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск, 2017. С. 10-11.

ств отказаться от своей изначальной «польскости». Этничность, как можно видеть, здесь не играла решающей роли.

Вместе с тем, не подлежит сомнению то, что Акинчица как эсера со стажем едва ли вдохновляла политика центрального польского правительства по отношению к белорусскому меньшинству. Известно, что его авторству иногда приписывали брошюру «Спекулянты белорусской душой», одновременно направленную против поляков и белорусских политиков-полонофилов⁵³. Поскольку она была выпущена «Союзом белорусского трудового крестьянства» (одной из радикальных белорусских эсеровских организаций) и по стилю отдаленно напоминала более поздние публикации Акинчица, можно предположить, что в начале 1920-х гг. он уже участвовал в политических баталиях на территории Польши. Установить это определенно пока что не удалось. Вместе с тем, в этом смысле интерес Акинчица к существованию Белорусской крестьянско-рабочей Громады стал закономерным. В 1926 г. он вступил в ряды этой организации и начал работать в качестве юрисконсульта в ее центральном аппарате.

Двухлетнее существование Громады (1925-1927) было по-своему уникальным и неповторимым. Фактически ее деятельность носила трансграничный характер и перекликалась с проходившей в Советском Союзе политикой белорусизации. Учитывая, что в Польше Громада была организацией меньшинства, национальный символизм здесь был более рельефным: как образно выразился Николай Вакар, «красные флаги свободно соседствовали с бело-красно-белыми»⁵⁴. В обоих случаях заметное место занимали некоторые бывшие эсеры, которые после промежуточного этапа – распада царской империи – сменили прежний общероссийский вектор на региональный.

Стоит отметить, что совмещение элементов национального романтизма (в рамках самоопределения) и социалистических идей здесь было совершенно естественным. Так, академик Игнатовский, ранняя биография которого напоминала жизненный путь Акинчица, находил конфликт буржуазии и трудящихся уже в раннефеодальной Полоцкой Руси. При этом, как считал Игнатовский, Великое княжество Литовское переняло высокую белорусскую культуру и язык Полоцкого княжества, которые белорусы сохранили и в ходе польской экспансии⁵⁵. Безусловно, такой подход был возможен только в первые годы советской власти, пока не наступила эпоха школы Покровского с девизом ее основателя «история – это политика, опрокинутая в прошлое».

Именно соответствие ряда политических устремлений Громады элементам тогдашней «генеральной линии» большевистской партии вызвало у польских властей подозрение в инспирировании и поддержке деятельности Громады со стороны Москвы. В этой связи возникали вопросы к источникам финансирования

⁵³ Спекулянты беларускай душой. [Вільня], 1921. С. 5-8, 14-18.

⁵⁴ Vakar. Belorussia: The Making of a Nation. P. 127.

⁵⁵ Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Вільня, 1927. С. 11, 35.

Громады, которые, по мнению поляков, не могли быть покрыты из собственных средств⁵⁶. Пугала Варшаву и массовость организации на фоне остальных белорусских структур. В итоге в январе 1927 г. руководство и ряд активистов Громады были арестованы, а сама она через два месяца запрещена польским правительством. Сам Акинчиц оказался под арестом еще раньше, 15 декабря 1926 г. – по официальным данным за участие в коммунистической (!) демонстрации под стенами виленской Лукишской тюрьмы четырьмя днями ранее⁵⁷.

На громком процессе по делу Громады, начавшимся 23 февраля 1928 г., она была названа организацией, «покушавшейся на государственное устройство Польши и ее территориальную целостность» с целью «установления советского строя и отрыва от Польши ее северо-восточных воеводств путем вооруженного восстания». По мнению следствия, активисты Громады «пообещали правительству Советской России военную помощь против Польши в случае начала войны между этими государствами»⁵⁸. Приговор, вынесенный Акинчицу 22 мая 1928 г., оказался суровым – восемь лет тюремного заключения⁵⁹. Однако менее чем через год по решению апелляционного суда его сократили на шесть лет⁶⁰, а к июню 1930 г. все обвиняемые оказались на свободе⁶¹.

Скорее всего, это решение было продиктовано вопросами общественной стабильности. Вместе с тем, оно стало одним из главных звеньев в цепи событий, которые обусловили окончательное расхождение сторонников национального и социалистического течений белорусского национального движения. Уже в июне 1930 г. в Белорусской ССР прошли первые аресты национально ориентированной интеллигенции и номенклатуры по сфабрикованному делу «Союза освобождения Белоруссии». Для тех политиков, которые допускали сосуществование национальной идеи и «социалистического строительства», был введен термин «национал-демократическая контрреволюция». Их обвиняли в том, что, являясь наследниками белорусского национального движения начала XX в., они продвигали местный культурный регионализм, «идеологию мелкой шляхты и деревенского кулачества»⁶².

Не осталось в стороне и дело Громады. По мнению советской стороны, туда с самого начала намеренно «пролезли» социалисты небольшевистского направления, прежде всего эсеры, которые боролись против «революционного движения

⁵⁶ Ełski S. Sprawa białoruska: zarys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931. P. 63-64.

⁵⁷ РГВА. Ф. 312к, оп. 1, д. 2575, л. 113 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 326. 16. kwietnia 1927. P. 6).

⁵⁸ Proces białoruskiej włościańsko-robotniczej Hramady. Wilno, 1928. P. 3.

⁵⁹ РГВА. Ф. 312к, оп. 1, д. 2576, л. 196 об. (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 388. 23. czerwca 1928. P. 14).

⁶⁰ Там же. Л. 541 (Poufny Przegląd Inwigilacyjny Policji Państwowej. № 431. 20. kwietnia 1929. P. 15).

⁶¹ Ełski. Sprawa białoruska. P. 66.

⁶² Вольфсон С.Я. «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. Т. 1. Ч. 1. Менск, 1931. С.8-11.

рабочих и крестьян»⁶³, и теперь вместе с «польским империализмом» готовили «почву для нападения на СССР»⁶⁴. В условиях подавления польскими властями белорусских организаций Москве было важно отделить зерна от плевел. Те активисты Громады, кто после освобождения не покинули польскую территорию и не задекларировали своей прокоммунистической позиции (как это сделал, к примеру, Тарашкевич⁶⁵), автоматически зачислялись в «согласатели» и польские шпионы. Так произошло и с Акинчицем. С того момента он фигурировал в советской печати в качестве «агента дефензивы» (польской разведки и контрразведки)⁶⁶, хотя всего пару лет назад, во время процесса Громады, о нем писали весьма сочувственно⁶⁷. При этом реально польские спецслужбы едва ли интересовались им. По крайней мере, среди сохранившихся документов агентуры и осведомителей его дело отсутствует⁶⁸. Напротив, в послевоенном меморандуме Рады БНР подчёркивалось, что в своё время Акинчиц успел побывать и шпионом Коминтерна, и агентом польской тайной полиции⁶⁹.

Несмотря на разгром Громады, Акинчиц считал, что с «польским обществом» по-прежнему можно было вести диалог. Осенью 1930 г. он вошел в Центральный союз культурных и хозяйственных организаций (Центросоюз), претендовавший на «наследие» Громады. Как вскоре оказалось, это было не самое лучшее решение. Центросоюз оказался неповоротливым в тактическом и слабым в политическом отношении, а различные группы внутри него сталкивались между собой, что в итоге привело к расколу организации. Уже весной 1931 г. Акинчиц покинул его ряды и попытался создать собственную массовую политическую организацию «Возрождение», однако дело не пошло⁷⁰.

Что же мешало Акинчицу воплотить в жизнь свои лидерские амбиции? Насколько можно судить, свою роль здесь сыграли как общие, так и более частные, личные факторы. В первом случае Акинчиц продолжал действовать в рамках старой, еще левоэсеровской концепции, в которой социалистические преобразования для всех не отрицали развитие национального самоопределения отдельного сообщества. Тем временем, авторитарный поворот 1920-30-х гг., затронувший большинство европейских стран и происходивший одновременно с упрочением Советского Союза, подверг ревизии само понятие «социализм». Наиболее характерным стал пример Германии, где «национал-социализм» подразумевал построение благополучия для отдельной взятой нации.

⁶³ Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. Минск, 1935. С.263.

⁶⁴ Сологуб Ал. Классовая борьба в литературе Западной Белоруссии // Литература и искусство. 1931. № 9-10. С. 42.

⁶⁵ Ełski. Sprawa białoruska. P. 67-69.

⁶⁶ Вольфсон. «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. С. 78.

⁶⁷ Западная Белоруссия на скамье подсудимых. С. 107-108, 181.

⁶⁸ РГВА. Ф. 308к, оп. 7 (отдел II-B).

⁶⁹ БМФС. Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative... P. 1-2.

⁷⁰ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 81.

Напротив, в СССР построением коммунизма, как следовало из официальной позиции советского руководства, занималась «братская семья народов», среди которых на тот момент еще не было «старшего русского брата». Европейские социалисты, не разделявшие подход большевиков, рассматривались ими как союзники буржуазии, а, следовательно, фашизма. Эта схема действовала и в обратном направлении – у себя на родине человек социалистических взглядов неминуемо навлекал на себя подозрение в симпатиях к советской России, даже несмотря на то, что в самом СССР он мог восприниматься как идейный противник.

С другой стороны, Акинчицу могло элементарно не хватать тех качеств, которые нужны харизматическому лидеру. Очевидно, большинство людей не могло оценить его интеллектуальных построений, а заносчивость отталкивала от него соратников. Чтобы скрыть нехватку чутья и оправдать свою политическую близорукость, Акинчиц каждый раз стремился представлять себя прямолинейным и благородным борцом за истину. Так, своих бывших соратников по Громаде и Центросоюзу он клеймил за лицемерие и финансовую нечистоплотность⁷¹, именую их «шайкой аферистов, не имеющих никакой идеологии»⁷².

Скорее всего, поворот к радикальному национализму в сознании Акинчица произошел именно в начале 1930-х гг. Этому, очевидно, способствовали две основных причины. В первую очередь, речь шла о действиях советской власти. Первичными здесь опять же были события, связанные с коллективизацией⁷³, осуждение репрессий по отношению к белорусской интеллигенции добавилось позднее⁷⁴. Свое влияние оказало и равнодушие к белорусской теме польской общественности, с которой предполагалось сотрудничать⁷⁵. На этом фоне Акинчиц, не найдя себя ни в одном из идейных лагерей, решил создать свое собственное, ни на что не похожее движение – белорусский национал-социализм.

Свой среди чужих, чужой среди своих

В начале 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты, а уже в ноябре того же года в Вильно вышел первый номер газеты *Новый путь*, органа «белорусской национал-социалистической мысли». Хотя впоследствии она будет выходить нерегулярно, общее впечатление можно было составить уже по первым выпускам. Так, новая платформа предполагала «перестройку социально-экономической и общественной жизни на социалистических основаниях, прежде всего имея в виду интересы белорусского народа». При этом общество мыслилось как «бесклассовая рабочая семья», государство – как «республика трудящихся», а отно-

⁷¹ Акінчыц. Правакацыя беларускага народу. Вільня, 1933. С. 6-9.

⁷² Беларуская праўда (Вільня, 12 траўня 1931). С. 1-2.

⁷³ Акінчыц Ф. На аграрныя тэмы // Беларускі звон. 1931. № 7. С. 2.

⁷⁴ Акінчыц. Правакацыя беларускага народу. С. 9-10.

⁷⁵ Новы шлях. 1937. № 2. С. 2.

шения с другими народами должны были строиться исходя из того, как «они относятся к белорусам»⁷⁶. В дальнейшем сюда добавились идеи ликвидации крупной частной собственности, «освобождения от капитала», антипарламентаристские и антиклерикальные лозунги⁷⁷.

Как можно видеть, концепция «белорусского национала-социализма», предложенная Акинчицем, была весьма своеобразной. На первый взгляд может показаться, что она представляла собой идейную мешанину из элементов нацизма и итальянского фашизма с добавлением локальной специфики. Именно так и думали советские авторы, считая партию Акинчица продолжением «польского фашизма»⁷⁸, при том, что польская полиция периодически арестовывала тиражи *Нового пути*. Тем не менее, в основе движения лежало стремление его предводителя усидеть сразу на двух стульях, быть одновременно и ультраправым, и ультралевым. Выдвигая тезис о восстановлении независимой и суверенной Белоруссии в этнографических границах⁷⁹, Акинчиц видел в качестве основы будущего государства самоуправляемые общины, представления о которых черпал у Оуэна и Фурье⁸⁰.

Фабиан Акинчиц в окружении соратников. Вильно, 1937 г.

Очевидно, Акинчиц и его соратники вполне искренне полагали, что Гитлер будет работать в обоих направлениях – и национальном, и социалистическом, как было заявлено в названии его партии. Более того, белорусские национал-социалисты считали Гитлера левым (!), которому еще предстоит борьба с «капиталистической реакцией»⁸¹. В этом смысле антисемитские публикации Акинчи-

⁷⁶ Новы шлях. 1933. № 1. С. 2-3.

⁷⁷ Новы шлях. 1933. № 1. С. 3; 1934. № 3. С. 1-2.

⁷⁸ Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине. С. 278.

⁷⁹ Новы шлях. 1934. № 3. С. 1.

⁸⁰ Подробнее см.: Акинчыц Ф. Аграрна-кааператыўная палітыка будучыні. Вільня, 1936.

⁸¹ Новы шлях. 1934. № 5. С. 6; 1935. № 1. С. 4.

ца⁸² выглядят скорее попыткой реверанса в сторону «коллеги» – тот факт, что все это время одним из государственных языков Белорусской ССР был идиш, Акинчица не смущало. С другой стороны, белорусские национал-социалисты не стремились слепо подражать нацизму, и некоторые планы Гитлера, в частности, идея экспансии на Восток, даже вызывали у них опасения⁸³. Изначальная ориентация на Германию была обусловлена скорее разочарованием в Польше, чем вероятной идеологической близостью, которой по сути не было.

Следует отметить, что у германской стороны действительно существовало опасение по поводу того, что Польша может оспорить территориальную целостность рейха. Созданное при Прусском государственном архиве в Берлине бюро публикаций (*Publikationsstelle*) отслеживало все, что печаталось в Польше и имело хоть какое-то отношение к указанной теме. В этом отношении вопрос меньшинств (за исключением еврейского) в качестве инструмента вероятной дестабилизации польского государства в определенной степени интересовал нацистов. Белорусская тематика тоже рассматривалась в этом разрезе, однако ею занимались не политические, а экономико-демографические структуры, особенно если речь шла о непосредственном соприкосновении белорусских регионов с рейхом⁸⁴.

В любом случае, до начала 1939 г., когда германо-польский конфликт перешел в «горячую» стадию, белорусский фактор оставался для нацистов глубоко периферийным. В этой связи информация о контактах Акинчица с нацистскими структурами и его вербовке со стороны гестапо, которую можно встретить как в литературе, так и документах⁸⁵, представляется сильно преувеличенной. Видимо, в заблуждение здесь вводит совпадение названий двух партий. Тем не менее, группа Акинчица была «настолько незначительной, что немцы не связывали с ней никаких надежд»⁸⁶. Примечательно, что и польские власти не ассоциировали белорусских национал-социалистов с Германией, когда в 1937 г. запретили их деятельность в 150-километровой полосе советской, а не немецкой границы⁸⁷.

Неизвестно, на что рассчитывал Акинчиц, когда в 1939 г. прибыл в Берлин. Организуя белорусские структуры, нацисты стремились отталкиваться от действующего политического представительства в диаспоре. Так, первым руководителем Белорусского комитета самопомощи стал бывший консул БНР в Берлине Андрей Боровский. Впоследствии комитет возглавил Николай Абрамчик, будущий глава Рады БНР. В созданном накануне вторжения в СССР Белорусском

⁸² Ф.А. Жыды на Беларусі // Новы шлях. 1934. № 3. С. 7-8.

⁸³ Новы шлях. 1934. № 1. С. 7.

⁸⁴ Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin, 1940. P. 31.

⁸⁵ Туронак. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943). С. 82; БМФС. Коллекция документов Рады БНР. Liste nominative... P. 2.

⁸⁶ Dallin. German rule in Russia. P. 213.

⁸⁷ Туронак. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943). С. 81.

национальном центре заметную роль играли представители белорусского комитета, заседавшего в Вильно.

Ни в одну из этих организаций Акинчиц не попал. Ему не доверили возглавить даже чисто техническое по своей сути Белорусское представительство, призванное выявлять и сортировать людей белорусского происхождения на территориях, подконтрольных Германии. Очевидно, немцы полностью отдавали себе отчет в том, что перед ними – предводитель маргинальной политической группы с весьма смутной программой. Вероятно, они и не стали бы прибегать к услугам Акинчица, однако ему помогла общая идеология гитлеровской бюрократии. Ее главные особенности заключались в полном охвате политического поля и дублировании компетенций во избежание концентрации власти в одних руках. Узнав о журналистской активности Акинчица, власти рейха предложили ему работу по специальности, и он некоторое время участвовал в выпуске белорусской газеты *Раніца* («Утро») ⁸⁸. В этом отношении стремление советских авторов видеть в Акинчице «крупного немецкого агента» ⁸⁹ было скорее желаемым, чем действительным.

Как известно, краеугольным камнем всей нацистской оккупационной политики на Востоке был вопрос, давать ли местным сообществам политическую самостоятельность. Представители вермахта и СС считали, что белорусская территория в первую очередь должна обеспечивать текущие военно-экономические потребности рейха. Их оппоненты из Министерства по делам оккупированных восточных областей, напротив, рассматривали возможность уступок местному населению ⁹⁰. Гражданская администрация в лице генерального комиссара Вильгельма Кубе поддерживала создание легальных белорусских институций для демонстрации доброй воли оккупационных властей, а также для лучшего контроля над захваченной территорией. Так, на территории Белоруссии были открыты школы (их инспектором стал член Белорусского национального центра Винцент Годлевский) и организована Белорусская народная самопомощь, занимавшаяся вопросами социальной политики (ее возглавил известный в диаспоре бывший дипломатический работник БНР Иван Ермаченко).

Несмотря на это, в среде белорусских националистов шли дискуссии относительно будущего сотрудничества с нацистами. Уже после войны в изданиях диаспоры указывалось, что «разумные люди» в Белоруссии осознавали, что немцы ничем не отличались от прежней власти, и стремились «задавить белорусское движение, набравшее силу после ухода большевиков». С целью не допустить этого при непосредственном участии Годлевского начала свою работу Белорусская партия независимости (Беларуская Незалежніцкая Партыя, БНП) ⁹¹.

⁸⁸ Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне. С. 12.

⁸⁹ Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959. С. 34.

⁹⁰ Dallin. German rule in Russia. P. 201f.

⁹¹ Whiteruthenia (Bielarussia). P. 30-32.

Эта организация во многом остается загадочной – точно неизвестно, когда и где она была основана и сколько людей в ней состояло. Вопрос о сотрудничестве руководства партии с немецкими спецслужбами также остается дискуссионным. Идеино и структурно БНП напоминала украинских националистов из волянской Полесской сечи, которые ради идеи независимой Украины могли ситуативно сотрудничать и с нацистами, и с советскими партизанами. Напротив, Ермаченко продолжал работать с оккупационными властями в ранге советника Кубе, видевшего в нем «белорусского Квислинга»⁹².

Эта сложная ситуация развивалась на фоне перманентного противоборства двух указанных оккупационных структур. Каждый раз попытки реализовать собственную программу действий приводили к серьезным столкновениям силовых и гражданских ведомств, взаимному игнорированию распоряжений и политическим интригам на самом верху. В данном случае ситуация крутилась вокруг соперничества Розенберга и Гимmlера. Каждый из них не только олицетворял свою концепцию, но и стремился стать главным куратором оккупационной политики на Востоке. Тем не менее, в отличие от имперского министра, Гимmlер был куда более искусен в кадровой политике и методично расставлял своих людей на ключевые посты. Свой кандидат у него были и на место Кубе, чье нахождение на посту генерального комиссара укрепляло позиции Розенберга.

Именно в этот момент Акинчиц по роковому для него (впрочем, как и для других участников событий) совпадению оказался в нужное время и в нужном месте. Деятельность Годлевского и Ермаченко неподдельно раздражала его, так как он сам намеревался быть «строителем белорусского государства под немецким протекторатом»⁹³, но пока что ничего осязаемого для этого не сделал. Существует предположение, что и в лагерь для подготовки пропагандистов Акинчиц напросился специально, чтобы создать себе ударную группу сторонников и упрочить свое положение⁹⁴. Те же эмоции Ермаченко и Годлевский вызывали и у сторонников «силовой» линии в оккупационной политике, с той лишь разницей, что они не допускали существования белорусской государственности ни в какой форме.

Остается неизвестным, возник ли тогда непосредственный контакт между Акинчицем и представителями германской службы безопасности (СД). Более вероятен тот сценарий, что его использовали вслепую. В любом случае, тщеславие и самоуверенность вновь сыграли с Акинчицем злую шутку. Убежденный в своей незаменимости, он и предложить не мог, что является не единственным участником в разыгранной спецслужбами партии. В характерной для себя манере Акинчиц громогласно именовал Ермаченко саботажником, что позволило СД обвинить последнего в государственной измене⁹⁵. В это же время начальник бело-

⁹² Dallin. German rule in Russia. P. 217.

⁹³ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 90.

⁹⁴ Вініцкі. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне. С. 17.

⁹⁵ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 90.

русской полиции в Минске Юлиан Сакович спокойно, но методично компрометировал перед властями Годлевского, который в итоге был арестован и впоследствии ликвидирован⁹⁶.

Не стоит говорить о том, что Гимmlера не интересовали белорусы, и его действия в реальности были направлены против Кубе и далее – против Розенберга. Тем не менее, активисты БНП рассудили по-своему. Шумная газетная кампания, начатая Акинчицем, навлекла на него подозрение в организации ареста Годлевского. Одновременно с этим антипартизанская риторика публикаций привлекла к его персоне внимание советского подполья. Примечательно, что в этом случае даже не приходится говорить о совпадении намерений двух сторон. Хотя БНП в целом стояла на антисоветских позициях, есть сведения, что часть ее членов все же сотрудничала с коммунистами⁹⁷. Из-за этого трудно говорить о том, кто же был непосредственным ликвидатором – «незалежник», переметнувшийся к советским партизанам, или наоборот.

Что касается самого убийства, то даже по прошествии многих десятилетий с его обстоятельствами по-прежнему много неясного. Так, не является очевидным, кто был заинтересован в устранении Акинчица. Как уже говорилось, в советской печати он превратился в центральную фигуру белорусских радикалов уже после своей гибели. Очевидно, тем самым советская сторона стремилась подчеркнуть, что партизаны не тратили силы на мелких и незначительных гитлеровских агентов. Та же самая аргументация применима и к БНП. В литературе высказывалось предположение, что покушение на Акинчица в целях самообороны организовал Ермаченко⁹⁸, при этом остается неясным, какие средства он мог использовать.

Нельзя до конца отвергать и версию об участии германских спецслужб. Непонятно, в какой еще степени СД планировала использовать Акинчица. Вполне возможно, что мертвый он был выгоднее нацистам, чем живой. В пользу этой версии говорят сразу несколько фактов. Во-первых, в ведомстве Гимmlера знали наверняка, когда Акинчиц снова отправится в Белоруссию и где будет жить. Стоит отметить, что в беллетризованных материалах о подпольщиках их показания разнятся. В одном случае говорится, что покушение планировалось на Владислава Козловского, главного редактора *Белорусской газеты*, а ночевавшего в его квартире Акинчица обнаружили чуть ли не случайно⁹⁹. При этом в более ранней версии покушавшиеся шли убивать именно последнего¹⁰⁰. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Козловский уцелел, хотя кроме них в квартире никого не было.

⁹⁶ Dallin. German rule in Russia. P. 216.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Туронак. Дзейнасць групы Фабяна Акінчыца (1939–1943). С. 92.

⁹⁹ Всенародная борьба в Белоруссии... С. 358.

¹⁰⁰ Герои подполья: о подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1970. С. 65.

С другой стороны, СД могло воспользоваться уверенностью Акинчица в том, что он находится под ее покровительством. По воспоминаниям, полуслепой журналист без колебаний открыл дверь ранним визитерам. Стрелявшие, в свою очередь, смогли беспрепятственно покинуть место происшествия. Примечательно, что в июне 1943 г., через три месяца после смерти Акинчица, в Лиде при невыясненных обстоятельствах был убит и Сакович. Очевидно, после достижения своей цели (Годлевский погиб, а Ермаченко был арестован и выслан из Белоруссии) СД могла самоустраниться, чтобы таким образом избавиться от своих агентов чужими руками. В любом случае, когда в начале 1943 г. Акинчиц вновь появился в Минске, то он был уже обречен.

* * *

В очередную переломную европейскую эпоху 1919-1939 гг. бывали случаи, когда левые активисты по каким-то причинам становились правыми и, наоборот, когда правые «левели». Немецкий коммунист Карл Альбрехт, крупный функционер в довоенном СССР, впоследствии вернулся в Германию, где вступил в нацистскую партию и стал работать в ведомстве пропаганды. Напротив, Отто Штрассер оказался для нацистского движения «слишком левым» и в итоге покинул ряды НСДАП.

В этом смысле восточноевропейским сообществам с их «запаздывающим» типом экономического и национального развития было гораздо труднее. Еще с имперских времен в политическом отношении для них было характерно перетекание социалистического в националистическое, и наоборот. Порой эти течения было очень непросто разграничить, однако в тот исторический период это не являлось принципиальным. В ситуации, когда правые стали именовать левых «большевиками», а те в ответ называть правых «фашистами», положение заметно изменилось, и на те партии, которые оказывались между двух огней, обрушивался гнев обеих сторон. Так было, к примеру, с Украинским национально-демократическим объединением. В представлении советской стороны оно из-за своей яркой национальной окраски, безусловно, было «буржуазно-националистическим», практически «фашистским». Для ОУН же национал-демократы были «соглашателями» с левым оттенком, недостаточно боровшимися за украинскую нацию.

С той же проблемой столкнулись и участники белорусского движения. Их транснациональная деятельность на стыке социальных преобразований и национального развития в итоге была враждебно воспринята и в Советском Союзе (как «националистическая»), так и в межвоенной Польше (как «коммунистическая»). Как показала практика, никому так и не удалось совместить эти два вектора. Единственным, кто взял на себя смелость «создать новый дух белорусской

нации»¹⁰¹, был Фабиан Акинчиц, однако достаточно быстро выяснилось, что он не обладал для этого никакими данными.

Политический путь Акинчица был прямолинеен и тернист одновременно. В свое время «общероссийский» эсер, он далеко не сразу свернул на тот региональный путь, к которому в годы революции обратились его единомышленники и земляки. Драматические события вокруг признания БНР, ключевой для белорусского движения той поры сюжет, полностью прошли мимо него и, очевидно, не особо его интересовали. Постоянные метания Акинчица от одной политической группы к другой, от левых к правым и обратно, лишней раз показывают, что он искал тех, кто мог бы поспособствовать реализации его амбиций. При этом он позиционировал себя чуть ли не как единственного борца за «светлое будущее» белорусского народа и набрасывался на своих вчерашних соратников, которые, по его мнению, не соответствовали этой высокой миссии.

Не найдя себя в действующем белорусском движении, Акинчиц совершил попытку создать нечто принципиально новое и объединить левое и правое течения в собственной национал-социалистической партии. Тем не менее, ее идеология с самого начала была настолько эклектичной, что привлекла лишь узкий круг почитателей своего лидера. На поверхность их вынесли события 1939-1941 гг. – в противном случае, скорее всего, эта партия так и бы канула в небытие. Вопреки ожиданиям Акинчица, нацисты не проявили к его программе по «перевоспитанию белорусского народа»¹⁰² должного интереса. Тем не менее, его болезненное самомнение и неприкрытое стремление к власти были косвенно использованы сторонниками «радикальной» линии оккупационной политики для борьбы со своими «умеренными» оппонентами. Как и в случае с Альбрехтом, нацисты спокойно относились к «перекрасившимся левым», если их можно было задействовать в своих интересах.

Неясно, понимал ли сам Акинчиц, что в условиях войны и оккупации его претензии на лидерство выглядели по меньшей мере наивными. Скорее всего, он, как обычно, осознал бы это уже постфактум и после войны критиковал бы немцев как не оправдавших его надежды, точно так же, как он не раз проделывал это с белорусами. Однако, в этот раз амбиции оказались смертельными.

¹⁰¹ Новы шлях. 1934. № 3. С. 1.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р7021, оп. 148, д. 458, л. 14-20.